

Михаил Конаровский

События апреля 1978 г. в Афганистане и последующий ввод советских войск: некоторые оценки событий и основных персоналий

Mikhail Konarovsky (Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia)

The events of April 1978 in Afghanistan and the subsequent deployment of Soviet troops: some assessments of events and key personalities

DOI: 10.31857/S086956870007408-9

Неожиданно легко захватив власть в Кабуле в результате военного переворота, в значительной степени спровоцированного жёсткой линией президента М. Дауда, НДПА оказалась совершенно не готова к управлению страной — ни политически, ни организационно-административно. Её «Ахиллесовой пятой» стало игнорирование конкретных условий и особенностей традиционного афганского общества. Началась силовая ломка вековых устоев и образа жизни населения в интересах его ускоренной «социализации» по опыту раннего СССР. Всё это спровоцировало открытую борьбу с инакомыслящими и новый виток внутрипартийной борьбы за влияние на внутреннюю политику и отношения с СССР.

Нового лидера страны, руководителя фракции НДПА «Хальк» Н.М. Тараки можно охарактеризовать как «революционного романтика», не только оторванного от реальности, но и в определённой мере демонстративно пренебрегавшего ею. Постепенно собирая вокруг себя пытливых и жаждущих созидательной деятельности молодых людей из различных сословий, он приобрёл традиционный для Востока образ проповедника идеалов равенства и социальной справедливости. Его суждения отличались упрощенчеством, а нередко и откровенной нивелировкой, что проявлялось в том числе и во время переговоров с представителями СССР¹. Уже на встрече с послом А.М. Пузановым 30 апреля 1978 г. он с уверенностью заявил, что, хотя «наша революция» и была совершена вооружёнными силами, за ними стоял весь афганский народ, и именно это и стало первопричиной победы НДПА, а реализацию стоящих перед ней «революционных задач» новая власть твёрдо намерена осуществлять согласно принципам марксизма-ленинизма². При этом Тараки не сомневался, что СССР обязан оказывать новой власти всемерное содействие и, на основе международной пролетарской солидарности, нести за неё всю полноту ответственности. Примерно такой же манерой поведения отличались и функционеры обеих фракций НДПА («Хальк» и «Парчам»), с которыми мне доводилось встречаться тогда и позже.

Следуя восточным традициям, руководитель партии и государства оказался также весьма падким на лесть. Этим умело пользовался его фактический заме-

¹ Это привело и к тому, что он не обратил внимания на предупреждение Л.И. Брежнева на встрече в Москве летом 1979 г. об опасности, исходившей от Х. Амина. Вместо этого он запросил стенограмму высказываний советского лидера и получил её, вопреки существовавшему на этот счёт порядку сохранения конфиденциальности (в Кабуле её тут же перехватили доверенные лица Амина).

² Хотя было очевидно, что переворот оказался не столько продуманной акцией, сколько вынужденной реакцией на арест лидеров НДПА и их возможную ликвидацию.

стителю в иерархии новой власти Х. Амин, благодаря усилиям которого Тараки стал повсеместно упоминаться только как «великий лидер». Впрочем, он и сам активно поощрял культ своей личности. Это проявлялось в самолюбовании в окружении, на общественных и государственных мероприятиях, позиционировании себя (также не без влияния Амина) как нового теоретика социализма. При этом он не отличался политической выдержкой и самообладанием — качествами, необходимыми для принятия решений и мобилизации сторонников на их выполнение.

О паникёрстве Тараки, его неспособности делать выводы из ошибок свидетельствовали события, связанные с одним из первых организованных антиправительственных выступлений — мятежом в Герате, произошедшем уже во второй половине 1978 г. Он истерично призывал Москву ввести в город воинские подразделения и даже демонстрировал готовность полностью разрушить этот уникальный культурно-исторический центр. Позднее специально направлявшиеся в Кабул советские партийно-государственные деятели неоднократно призывали нового лидера Афганистана и его коллег по ЦК НДПА не спешить с реформами, направлять первоочередные усилия на укрепление новых властных структур, однако он не внимал увещаниям. Вместо анализа причин выступления он упорно вёл линию на обострение отношений с вооружённой оппозицией, уповав при этом на всестороннюю поддержку со стороны СССР. Именно этим обстоятельством в значительной степени и объяснялись его неоднократные обращения к советскому руководству о вводе войск в Афганистан.

Одновременно — и явно не без его ведома — некоторая часть руководства НДПА позволяла себе как «намёки», так и открытые заявления, что СССР «обуржуазился» и теперь именно Афганистан стоит на переднем крае всемирной классовой борьбы. «Верный ученик» Тараки Амин даже пытался теоретизировать на этот счёт, выпустив пространную работу, которая, впрочем, представляла собой плагиат трудов Маркса, Ленина и Сталина.

Амин оказался прямой противоположностью Тараки. Его основными качествами были властолюбие, твёрдость и целеустремлённость в достижении поставленных задач (при необходимости переходящие в неприкрытую жестокость), стремление полностью подчинять себе окружающих. Обладая хорошими организаторскими и ораторскими способностями, он активно занимался государственной и партийной деятельностью, стремясь при этом к получению разнообразных практических знаний — прежде всего в военной и внешнеполитической областях, а также в сфере административного строительства³.

В результате действий левацкого руководства НДПА оказалась дискредитирована не только новая власть, но и вынужденная поддерживать её Москва. Сам Амин стремился, с одной стороны, демонстрировать полную лояльность СССР, а с другой — максимально затруднять деятельность советских представителей в Кабуле (в том числе посольства)⁴. В самой же стране активно нарастало протестное движение во главе с давними соперниками левых — представителями духовной сферы и традиционалистами. Объединившим их лозунгом стала борьба против режима «неверных», которую усиливала возрастающая мораль-

³ Это, в частности, отмечали в своих мемуарах главный военный советник генерал-лейтенант Л.Н. Горелов и внешнеполитический советник при МИД Афганистана В.С. Сафрончук.

⁴ За многими его сотрудниками было установлено негласное наблюдение.

ная и материальная поддержка со стороны соседнего Пакистана, Саудовской Аравии, США, а также тогдашнего руководства Китая...

10 октября 1979 г. в кабульских газетах неожиданно появилось краткое сообщение о том, что «вчера утром в результате тяжёлой болезни, которой он страдал в течение некоторого времени, скончался бывший председатель Революционного совета Нур Мухаммед Тараки». Ни комментариев, ни соболезнований. Потом оказалось, что он был грубо умерщвлён по приказу Амина. Новость привела в шок советское руководство, особенно Л.И. Брежнева, который, как подчёркивают практически все исследователи, посчитал себя лично оскорблённым: ведь он совсем недавно встречался с ними в Москве. Так Афганистан вступил в очередную тяжёлую полосу своей внутренней жизни, завершившуюся вводом в страну 27 декабря 1979 г. Ограниченного контингента советских войск (ОКСВ), штурмом резиденции вставшего во главе режима Амина, его ликвидацией и провозглашением лидера фракции «Парчам» Б. Кармаля новым руководителем партии и государства.

Представляется, что одним из основных мотивов такого решения Москвы оказались опасения, что в случае коллапса в Кабуле вакуум власти может заполниться враждебными ей силами, подстрекаемыми Западом. А это, в свою очередь, приведёт к резкому дисбалансу на южных границах СССР. Я в то время находился в столице Афганистана. Создавалось впечатление, что режим Амина обречён в любом случае и не сможет продержаться длительное время⁵. Но, как бы то ни было, заговорила логика биполярного противостояния. Надо было спасать НДПА, в том числе избавившись от её одиозного, всё менее предсказуемого и всё более экстремистского лидера. В качестве предложения для ввода войск оказались использованы многократные просьбы Кабула о поддержке новой власти перед лицом всё возраставшей активности вооружённой оппозиции — моджахедов. Официально было заявлено о ликвидации Амина «здоровыми силами партии», которые и обратились за военной помощью к СССР.

Что же касается политической миссии посла Пузанова, особенно после «Апрельской революции», представляется, что она была обречена на неудачу. Как и прочие советские представители, он стал свидетелем и жертвой неожиданных и малопредсказуемых событий, на которые Москве часто только и оставалось, что оперативно реагировать. Помимо спешного и необдуманного форсирования преобразований по социалистическому типу, НДПА уже в первые месяцы после прихода к власти оказалась охвачена очередной волной острой внутренней борьбы. В результате перевес оказался на стороне её радикального крыла «Хальк». Москве не удалось предотвратить такое развитие событий, хотя и сегодня сложно представить, каким образом можно было этого добиться. Ведь хорошо известно, что лидеры не только НДПА, но и многих других развивающихся стран «социалистической ориентации» далеко не всегда прислушивались к советам представителей и даже руководства СССР.

У посла, как и у многих других представителей СССР, отношение к афганским событиям было двойственным. С одной стороны, он поначалу не одобрял переворота (я свидетель его высказываний на этот счёт) и в первых донесениях оценивал обстановку достаточно трезво. С другой стороны, являясь воспитан-

⁵ По методам властвования и степени внутренней агрессивности, непримиримости и жестокости его, в определённом смысле, можно сравнить с режимом талибов, захвативших Кабул 17 лет спустя.

ником идеологической системы, он принял новую ситуацию как данность и пытался с ней совладать, как мог. Но фундаментальные просчёты в понимании сущности многих исторических процессов наблюдались на самом верху политической иерархии СССР. Это автоматически сказывалось и на всей внутри- и внешнеполитической деятельности⁶.

Судя по всему, Пузановым остались недовольны все. Москва — тем, что в Афганистане всё пошло «не так», и вместо сохранения дружественного режима на южных границах там усугублялись непредсказуемость и напряжённость (не говоря уже о шквале критики в адрес СССР на международной арене). Высказывали недовольство и руководители обеих фракций НДПА: «Хальк» — за попытки Пузанова добиться в партии внутреннего примирения; более умеренные партии из «Парчам» считали, что «советские товарищи» фактически предали их по наветам «хальковского» руководства страны. Не могло сложиться нормальных отношений и с узурпатором власти. Посол не мог простить Амину вероломства и грандиозной «политической подставы» (в том числе и лично для себя) в связи с грубой ликвидацией им Тараки. Диктатор, со своей стороны, не забыл того, что советский посол когда-то настоял на его примирительной встрече с Кармалем (оказавшейся неудачной). Встречу организовали по указанию из Москвы, чтобы передать твёрдый призыв к примирению. Однако Амин считал, что она должна была закончиться физической расправой над ним, и советские представители содействовали в подготовке этого⁷. Он опасался направлявшихся Пузановым в Москву нелицеприятных оценок своей деятельности и начал настаивать на скорейшей его замене. Слухи об этом быстро распространились среди высшего звена партии, а член Политбюро НДПА Ш. Вали даже провёл встречу с послами социалистических стран, на которой открыто очернял личность и деятельность посла СССР.

Мне довелось стать свидетелем последней (уже после официального прощального визита посла) встречи Александра Михайловича с Амином. Она состоялась по чрезвычайному обстоятельству. Из Москвы поступило указание срочно встретиться с афганским руководителем и предпринять устный демарш в связи с бомбардировкой самолетом ВВС ДРА населённого пункта в одном из приграничных районов Таджикской ССР, которая привела к человеческим жертвам. Амин был, как всегда, аккуратно и элегантно одет, костюм любимого им цвета *navy blue* эффектно оттенял густую седеющую шевелюру. Демарш несколько смутил диктатора, но он сделал вид, что об инциденте ему не доложили. Возможно, так оно и было. Многократно извинившись за «совершённую ошибку», он пояснил, что имелось в виду совершить налёт на группу противников режима — «душманов» — в одном из пограничных с СССР районов афганского Памира. Расстались сухо.

Не складывались отношения с Амином и у нового посла Ф.А. Табеева. Афганский лидер пытался «поучать» СССР, в частности за затягивание построения

⁶ Некоторые кремлёвские очевидцы тех лет признавали, что после апрельских событий в Кремле волей-неволей стали причислять Афганистан к странам «социалистической ориентации», стратегическим покровителем которых являлся Советский Союз. В руководстве КПСС и аппарате её ЦК имелись влиятельные теоретики такой трансформации. К их числу относился, например, многолетний заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС Р.А. Ульяновский.

⁷ См.: Ляховский А., Давитая С. Игра в Афганистан. М., 2009. С. 188—191.

социализма в советских среднеазиатских республиках, а самому послу однажды посоветовал «извлечь правильные уроки» из деятельности предшественника⁸.

Я убежден, что ввод в Афганистан ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) и его десятилетнее пребывание там нельзя рассматривать вне контекста и специфики развития обстановки как в этой стране, так и на международной арене. Вряд ли справедливо и логично судить о вынужденном решении Политбюро ЦК КПСС с позиций сегодняшнего дня и на фоне нынешней ситуации на мировой арене. Безусловно, в результате этой акции СССР оказался во внешнеполитической изоляции, понесся огромные материальные и моральные потери. Но могли ли его руководители поступить иначе? Полагаю, что в тот период времени — нет.

При этом постепенное осознание того, что «коммунистический эксперимент» не приживается на афганской почве, начало вызревать как в Москве, так и в Кабуле уже в начале 1980-х гг. К середине десятилетия в этом мнении окончательно укрепились. В повестку дня встала необходимость серьёзной корректировки внутривнутриполитического курса Афганистана на основе поиска точек соприкосновения с частью оппозиции и попыток её вовлечения в политико-экономическую жизнь страны. Перед октябрьским Пленумом ЦК КПСС (1985), на котором был поставлен вопрос о выводе советских войск из ДРА, М.С. Горбачёв имел неофициальную встречу в Москве с Б. Кармалем. В ходе неё он попытался аккуратно донести до афганского лидера идею о необходимости определённого раздела власти с наименее одиозными оппозиционерами, однако понимания не встретил⁹.

Сложное международное положение, в котором оказался СССР после ввода своих войск, а также активное вооружённое сопротивление режиму НДПА вынудили советское руководство инициировать в 1982 г. проведение под эгидой ООН непрямых переговоров между Кабулом и Исламабадом. Такое решение было принято на основе одобренного осенью 1981 г. Политбюро ЦК КПСС и поддержанного Ю.В. Андроповым предложения МИД «об организации дипломатического, нацеленного на такое урегулирование ситуации в Афганистане, которое позволило бы вывести советские войска из этой страны»¹⁰. Однако до 1986 г. переговоры велись формально. В то время в Москве и Кабуле ещё рассчитывали на перелом ситуации в пользу НДПА. Однако после того как в Советском Союзе был взят курс на перестройку и коренное улучшение отно-

⁸ Афганская вахта Табеева (URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/76456>).

⁹ Мне неоднократно доводилось присутствовать на встречах Табеева с Кармалем, и я в значительной степени разделяю нелицеприятное мнение об этом афганском лидере. Табеев, в частности, отмечал: «Приятный в общении, интеллигентный, Кармаль, на мой взгляд, не обладал большим организаторским талантом, или во всяком случае таким, какого потребовала ситуация в Афганистане после устранения Амина. Была в нём некая червоточина — самовлюблённость и желание власти, помноженные на определённую слабохарактерность. Решиться взойти на вершину государственной власти на чужих штыках — это характеристика тоже о многом говорящая и, по-моему, не самая лестная. А возглавив руководство Афганистаном, он в решении государственных дел продолжал больше надеяться на нас, в том числе и в отношении военных действий против моджахедов» (Цит. по: Афганская вахта Табеева).

¹⁰ *Корниенко Г.М.* Как принималось решение о вводе войск в Афганистан и их выводе // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 112. По одному свидетельству, «в Генеральном штабе якобы хранится документ, согласно которому вопрос о выводе советских войск встал на Политбюро ЦК КПСС по личной инициативе Л.И. Брежнева ещё в январе 1980 года. Однако вывод был признан нецелесообразным» (Красная звезда. 1992. 25 декабря).

шений с Западом, принятие политического решения о выводе войск из Афганистана стало уже делом времени.

Такое развитие событий придало «второе дыхание» и женевским переговорам по выработке документов, которые юридически обеспечили бы вывод войск на фоне прекращения внешнего вмешательства в афганские дела. Однако пакистанская сторона и стоявшие за ней США, понимая, что советский контингент будет выведен в любом случае, резко ужесточили переговорные позиции, дабы добиться максимальных уступок, в том числе по срокам вывода и оказанию Кабулу советской военной и экономической помощи. Со своей стороны, моджахеды (которые не участвовали в переговорах) сохраняли полную свободу действий в борьбе с правительством. За рамками переговоров оставались также США, Саудовская Аравия, Иран, Китай и другие страны, активно поддерживавшие их.

При подписании пакета Женевских договорённостей 14 апреля 1988 г. в ответ на сохранение советской военной помощи ДРА после вывода войск Вашингтон сделал заявление о «позитивной симметрии», т.е. о продолжении аналогичной помощи моджахедам. Не прекратили её также Пакистан и Иран. По условиям договорённостей, вывод советских войск должен был осуществиться в течение девяти месяцев и в два этапа, завершившись в феврале 1989 г.¹¹

На мой взгляд, противникам коммунистического правительства Кабула удалось переиграть Москву, для новой политики которой Афганистан становился политической обузой. Не решил проблем страны и вывод советских войск. Придав импульс активизации моджахедов, он предопределил и падение президента Наджибуллы спустя три года. Возможно, события могли бы развиваться несколько иначе, однако распад Советского Союза поставил крест на альтернативах.

¹¹ Подробнее см.: Козырев Н.И. Роль дипломатии в разблокировке «афганского узла». М., 2010; Cordovez D., Harrison S. Out of Afghanistan. The inside story of the Soviet withdrawal. N.Y.; Oxford, 1995.

Рудольф Пихоя

Об условиях принятия решения о вводе войск в Афганистан

Rudolf Pikhoya (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

On the circumstances of the Soviet invasion of Afghanistan

DOI: 10.31857/S086956870007419-1

В истории участия СССР во внутриафганском конфликте остаётся сложным вопрос об обстоятельствах принятия решений о вводе войск в Афганистан. При поиске ответа на этот вопрос необходимо, на мой взгляд, учитывать большое количество факторов, в частности, представления советских руководителей о перспективах развития международной обстановки, о возможности или невозможности руководства Афганистана подавить антиправительственный (антисоциалистический, по оценкам властей двух стран) мятеж, о роли